

Елюй Гу не был человеком утонченным. Если всё шло гладко и по его плану, он, конечно, умел изображать благородство и стать наследного принца Ляо. Но стоило ему столкнуться с непреодолимым препятствием, как он тут же терял рассудок, превращаясь в безумца, лишенного всякой человечности и здравого смысла.

Именно поэтому Хань Линсю всегда презирал его.

— Мне нужны полные досье на эту женщину, — бросил Хань Линсю и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь, не заметив, как лицо Елюй Гу, которого он только что унизил своим пренебрежением, почернело от ярости и затаенной злобы.

Распри внутри лагеря ляосцев не интересовали Юнь Фэй. После прибытия Хань Линсю она временно прекратила свои вылазки.

Он был настоящим мастером войны, и, чтобы справиться с ним, требовались иные методы.

Спустя несколько дней Елюй Гу вновь повел армию в поход. Примечательно, что Хань Линсю, который должен был сопровождать его, в войске отсутствовал. То ли между ними пробежала черная кошка, то ли он наблюдал за происходящим из тени.

Елюй Гу не был соперником Юнь Фэй, да и не был настолько глуп, чтобы вступать с ней в поединок один на один. После нескольких стычек ляосская армия медленно отступила. Юнь Фэй понимала: это проба пера со стороны Хань Линсю. Его целью была не она сама, а проверка способностей других генералов государства Цзян.

Юнь Фэй была сильна и непобедима, но она оставалась лишь человеком. Стоило ей лишиться поддержки Цзян, как у Хань Линсю нашлись бы тысячи способов ее устранить. Впрочем, и сам Хань Линсю не был неуязвим — его защищала мощь Ляо, поэтому Юнь Фэй не могла просто взять и убить его. Оба понимали, что для победы над противником нужно искать обходные пути. Хань Линсю знал: чтобы сокрушить Цзян, не обязательно бить по Юнь Фэй, достаточно найти слабое звено.

Когда вражеская армия отступила, на лице Юнь Фэй впервые за долгое время пролегла тень тревоги. Она разгадала замысел ляосцев. За других генералов она не боялась, ее беспокоил лишь Шэнь Мубай.

Елюй Гу, тайно посещавший столицу Цзян и заигрывавший с Юнь Цзиньсэ, уже был причастен к гибели Сяхоу Дина. Раз он смог повернуть то дело, значит, был прекрасно осведомлен о положении Шэнь Мубая и непременно воспользуется этим, чтобы ударить по ним.

Нужно действовать на опережение.

Она нашла Шэнь Мубая, дала ему несколько указаний, и через пару дней тот тайно покинул лагерь с отрядом.

Ляосцы лишились провианта и лошадей. Хань Линсю прибыл в спешке, не успев подвезти достаточно запасов, и теперь, когда начался дефицит, к ним тянулись обозы с тыла.

В узкой горной долине, зажатой между уходящими в облака пиками, двигалось войско. Это был единственный путь. До места основных сражений было еще далеко, и, поскольку местность была ближе к тылам Ляо, охрана обоза не проявляла особой бдительности.

Когда армия углубилась в ущелье, раздался оглушительный грохот. Люди подняли головы и

увидели, как с гор с неудержимой мощью обрушиваются гигантские валуны. Отчаяние охватило каждого.

Порядок превратился в хаос. Перед лицом неминуемой смерти дисциплина рухнула. Солдаты в панике бросились бежать, надеясь спастись, но, вырвавшись из ловушки, наткнулись на войска Шэнь Мубая. Обезумевшие от страха люди уже не имели сил сражаться.

Три часа спустя Шэнь Мубай ушел, захватив провиант и лошадей, оставив после себя лишь горы трупов. Такова жестокость войны: либо ты, либо тебя.

Это был риск. Юнь Фэй отвлекала на себя Елюй Гу и Хань Линсю, пока он отрезал их от снабжения. Если бы их раскрыли, им бы не поздоровилось.

План сработал безупречно.

К моменту возвращения Шэнь Мубая битва уже завершилась. Юнь Фэй, зажав в зубах край повязки, перебинтовывала себе руку. Сражение выдалось тяжелым, потерь было много, досталось и ей. Военные лекари метались, не успевая даже взглянуть на тех, кто был ранен легко. Юнь Фэй справилась сама.

— Вернулся. Каков результат? — она мельком взглянула на него и, не дрогнув, разорвала одежду на поясе, чтобы полить рану спиртом.

Она давно передала рецепт спирта императору Цзян, и теперь его хватало для нужд армии.

Шэнь Мубай подошел, забрал у нее склянку и принялся промывать рану. Порез был длинным, но неглубоким, что принесло ему облегчение.

Закончив перевязку, он поднялся и ответил:

— Этого провианта и припасов нам хватит до следующей весны.

— Хорошо, — Юнь Фэй прищурилась. Сражаясь с Елюй Гу и Хань Линсю одновременно, она получила немало ран, но как единственный генерал, способный на равных противостоять Хань Линсю, она не имела права выказывать слабость. — Раз они лишились еды, ляосцы в ярости пойдут в атаку. Передай нашим, чтобы были готовы.

Даже если Хань Линсю сумеет сдержать гнев, Елюй Гу — нет. До наступления зимы их ждет кровавая схватка.

Так и вышло. Спустя несколько дней разъяренная армия Ляо пошла в наступление, но Юнь Фэй встретила их арбалетными колесницами.

Бои затянулись, и вскоре ударили морозы. Благодаря захваченным припасам солдатам и жителям в границах заставы зима далась легче.

С наступлением холодов между армиями случались лишь мелкие стычки. Хотя обоз был разграблен, Ляо быстро наладили новые поставки, что не сказалось на их боеспособности.

Генералы на Заставе Ханьгу, распробовав вкус легкой наживы, хотели повторить налет, но рассудительный Шэнь Мубай их остановил.

Первый успех был достигнут за счет внезапности. Теперь ляосцы были настороже, и новая вылазка стала бы самоубийством.

Время летело быстро. Землю укрыл лед, но Ляо не прекращали атак. Хань Линсю день и ночь посылал диверсионные отряды — он был крайне опасным противником.

Юнь Фэй не позволила ему нарушить свой сон. То, что для других было суровым испытанием, для нее стало возможностью.

Вода, вылитая с крепостных стен, моментально превращалась в лед, а земля за стенами превратилась в гигантский каток.

Ляосские воины, привыкшие к победам, на поле боя внезапно почувствовали себя как на сковороде. А солдаты Цзян, уже переобутые в коньки и с длинными мечами в руках, с легкостью скользили между врагами, перерезая сухожилия коням и нанося удары.

Юнь Фэй сменила оружие: взяв в руки Модао, она вышла против Хань Линсю, который спокойно восседал на коне. После десятка столкновений Юнь Фэй, используя преимущество местности, нанесла ему серьезное ранение.

Поняв, что успеха не добиться, ляосцы в панике отступили.

Юнь Фэй смотрела вслед уходящему Хань Линсю с загадочной улыбкой. Рана не была смертельной, но этот зимний сезон станет для него последним.

Первый божественный полководец... в конце концов, мир не терпит существования богов.

Она не могла его терпеть, а Елюй Гу — тем более. Даже если принц заботился об интересах государства, в глазах других он оставался лишь честолюбивым волком. Этого было достаточно.

Величайший генерал Ляо погибнет от рук собственного наследного принца — по крайней мере, так это будет выглядеть в глазах людей. Истинная правда уже не имела значения.

Вернувшись в лагерь, Хань Линсю велел лекарям перевязать рану. Он был весь в шрамах от прошлых битв и не придавал значения пустякам.

Однако вскоре он почувствовал неладное: рана, которая должна была затянуться, начала гноиться. Сначала он решил, что Юнь Фэй смазала клинок ядом, и приказал лекарям вырезать омертвевшие ткани и наложить новую повязку.

Результат не порадовал. Хань Линсю многое повидал на войне и понимал: враг за спиной порой страшнее того, что стоит перед тобой. Он отстранил военного врача и приказал привести своего доверенного лекаря.

Тот прибыл быстро и сразу обнаружил следы яда замедленного действия. Хань Линсю уже очистил рану, и, даже если бы на мече Юнь Фэй был яд, он не мог бы действовать так долго. Стало ясно: яд подсыпал тот самый лекарь, что лечил его до этого.

Хань Линсю давно перестал быть наивным юношей. Он понимал: как только император Ляо возвел его на пьедестал первого генерала, он обрек себя на ненависть. И если враги из других стран были предсказуемы, то зависть собственных коллег, их жажда наживы и мести были гораздо опаснее.

Он глубоко вдохнул, почувствовав, как холод поднимается от ступней к самому сердцу.

Сердце остыло, но разум оставался холодным.

Хань Линсю закрыл глаза. В этом лагере мотив и возможность были только у Елюй Гу.

Помимо старых обид, главной причиной было то, что Хань Линсю, прибыв, быстро взял управление армией в свои руки, потеснив принца.

Он знал, что Елюй Гу способен на подлость, но не ожидал, что тот настолько пренебрежет интересами государства. Все-таки наследник престола! Неужели он не понимает, насколько важен этот момент для Ляо? Видимо, он переоценил его.

Он презирал Елюй Гу, но признавал его таланты. Среди принцев Ляо тот был самым способным, но кто бы мог подумать, что даже лучший из них пойдет на поводу у личной неприязни.

Хань Линсю не хотел верить в худшее, но расследование подтвердило все опасения. Его рана заживала, но яд подорвал здоровье. Когда землю укрыл белый снег, сердце Хань Линсю покрылось таким же ледяным покровом.

Лекарь, человек Елюй Гу, признался, что действовал по приказу принца. Хань Линсю не хотел верить, но улики кричали об обратном: Елюй Гу не мог больше терпеть его присутствия и решил избавиться от него именно сейчас.

Так все поверят, что он пал от руки той женщины-генерала из Цзян. А потом Елюй Гу подстроит смерть и самой Юнь Фэй, разом избавившись от бельма на глазу и возведя себя в ранг нового бога Ляо, тем самым обеспечив себе трон.

Зима превратила мир в ледяное королевство, и Хань Линсю принял решение. Он взял людей, заточил Елюй Гу и отправил донесение обо всем случившемся императору Ляо.

Юнь Фэй, закутанная в лисьи меха, присланные четвертым принцем Чу Тяньи, стояла на крепостной стене. Зима выдалась тихой, но она знала: покой не продлится долго.

Зима отступила, пришла весна. Ляосцы снова пошли на Заставу Ханьгу, но в этот раз среди них не было Елюй Гу.

В Ляо хватало тех, кто не любил принца, особенно среди его братьев. Когда весть дошла до столицы, завистливые принцы не упустили шанса, нашептав нужное императору. Тот пришел в ярость и приказал отозвать наследника.

Хань Линсю был инструментом, выкованным лично императором, и тот не позволял никому ломать свою любимую игрушку. Больше всего его потрясла не сама попытка убить генерала, а глупость Елюй Гу. Если бы тот смог победить Цзян, император простил бы ему смерть Хань Линсю. Но Елюй Гу не имел такого таланта, и его поступок выглядел в глазах отца верхом идиотизма.

Император Ляо прошел через горы трупов, чтобы взойти на престол. Он мог простить сыну амбиции и жестокость, но не мог простить глупость.

Вернувшегося Елюй Гу даже не стали слушать — его сразу отправили под домашний арест.

Он не мог понять, как всё так обернулось.

Елюй Гу был жесток, но не был дураком. Даже ненавидя Хань Линсю, он мог расправиться с ним позже, после коронации. Зачем ему было подставляться в разгар войны?

Но никто не хотел слушать его оправданий. Все улики указывали на него. И шанса объясниться у него больше не было.

Юнь Фэй, сидя верхом на вороном коне, смотрела на бледного Хань Линсю. Яд подорвал его силы, и она не знала, сколько еще он сможет продержаться.

Елюй Гу был отозван, Хань Линсю тяжело болен, ляосская армия в замешательстве. Юнь Фэй перешла в контрнаступление, загоня врага в долину.

Сжимая в руках алебарду Фантянь, она смотрела на мир с холодным высокомерием, подобно распутившейся зимой красной сливе. Она была мастером убийств, владела искусством перевоплощения — именно она, приняв облик Елюй Гу, организовала всю эту интригу. Как бы в Ляо ни расследовали, виновным останется только принц. Ей было любопытно, как далеко он сможет зайти в такой ситуации.

Ранней весной воздух был еще холодным. Хань Линсю тяжело дышал, боясь вдохнуть ледяной воздух, вызывавший приступы кашля. Он знал: яд разрушил его тело, и, возможно, сегодня его последний день.

— Генерал Хань, я уважаю вас как героя. Если сдадитесь, я сохраню вам жизнь, — Юнь Фэй указала алебардой на его бледное лицо. Первый божественный полководец пал с пьедестала, убить его теперь было проще простого.

Хань Линсю рассмеялся, даже в безвыходном положении оставаясь тем самым ярким и бесстрашным генералом Ляо.

— Если вы уважаете меня как героя, то должны понимать мой выбор.

— Что ж... — в глазах Юнь Фэй мелькнуло одобрение. Хань Линсю был настоящим героем, жаль, что героям чаще всего суждено погибать. Она крепче перехватила алебарду: — Тогда в бой!

— Ха-ха-ха! Именно так!

На закате Юнь Фэй вернулась с армией. Она передала тело Хань Линсю Шэнь Мубаю:

— Он был героем. Похороните его с почестями.

Юнь Фэй восхищалась им. Он был великим воином, и даже смерть должна была быть достойной. К тому же, если даже она, генерал вражеской страны, оказывает ему такие почести, Елюй Гу, пытавшийся его убить, будет выглядеть в глазах людей еще более ничтожным.

Весть о гибели Хань Линсю дошла до столицы Ляо. Никто не верил, что женщина из Цзян могла его одолеть, но факт оставался фактом. Вся ненависть обрушилась на Елюй Гу: если бы не его яд, Хань Линсю был бы жив.

Братья принца воспользовались моментом, лишив его власти. Император окончательно отвернулся от него. Елюй Гу, не желая мириться с крахом, пошел ва-банк.

В Ляо началась смута, границы Цзян стали безопасны. Юнь Фэй получила приказ вернуться в столицу.

Император Цзян был к ней максимально благосклонен, не обращая внимания на мощь её армии, ведь она была невестой его сына.

Когда Юнь Фэй выйдет замуж за Чу Тяньи и станет императрицей, все её силы перейдут к будущему императору, оставаясь в руках дома Чу. Чем сильнее становилась Юнь Фэй, тем больше это радовало императора.

Теперь, когда она стала еще могущественнее, он хотел, чтобы она вернулась и укрепила чувства с Чу Тяньи. Император понимал: от согласия между правителем и его супругой зависит многое.

Юнь Фэй не разочаровала его ожиданий. После торжественной встречи она вернулась в дом Юнь.

Юнь Ле был на границе, Юнь Цзиньсэ давно вышла замуж. Дома была только она. Отослав слуг, она легла отдохнуть — вечером предстоял пир. Проснувшись около четырех часов дня, она узнала, что четвертый принц Чу Тяньи ждет её уже долгое время.

Терпения этому принцу не занимать. Юнь Фэй, приведя себя в порядок, неспешно вышла в зал, где Чу Тяньи пил чай — неизвестно, который по счету.

Увидев её, он поднялся навстречу. С тех пор как Юнь Фэй ушла на фронт, они общались только письмами. Но даже не видясь, он был глубоко очарован этой женщиной. Его любовь горела подобно яркому пламени.

Он любил её умение планировать, её стратегический ум, её силу, не уступающую мужской. С каждой победой он любил её всё сильнее.

В отличие от остальных, он, часто переписываясь с ней, догадывался, что смерть Хань Линсю — дело рук Юнь Фэй, а Елюй Гу был лишь козлом отпущения.

Это вызывало у него еще большее восхищение. Такая женщина была настоящим титаном.

Юнь Фэй тоже была к нему расположена. Нужно признать, Чу Тяньи был выдающимся мужчиной, умевшим проявлять уважение. Ей это нравилось.

Они обменялись теплыми словами, в которых чувствовалась явная близость. Впрочем, они были помолвлены, так что это было вполне уместно.

Начался пир. Юнь Фэй стала центром внимания.

Ей было скучно, и император, заметив её усталость, не стал затягивать вечер.

Поздно ночью Юнь Фэй и принц ехали в карете. Внутри царила тишина.

Юнь Фэй молча заваривала чай, Чу Тяньи не нарушал её покоя. Между ними не было лишних слов, лишь естественное взаимопонимание.

Вскоре карету наполнил аромат чая. Юнь Фэй протянула чашку Чу Тяньи. Её движения были изящны и полны достоинства, без тени женского смущения.

Чу Тяньи обожал её за эту прямооту. В его глазах только такая женщина была достойна стать матерью нации.

Да, наложница уже открыла ему, что значит брак с Юнь Фэй. Как дочь Вэй Эрнян, Юнь Фэй была рождена стать императрицей Цзян, а её муж — будущим правителем.

Узнав об этом, Чу Тяньи замер, а в следующую секунду внутренне поблагодарил глупого Чу Тяньи за то, что тот добровольно отказался от престола.

Конечно, он любил Юнь Фэй не из-за короны. Он был пленен ею еще до того, как узнал правду.

— Превосходный чай, — не скупился на похвалу Чу Тяньи. Чай и вправду был хорош: изумрудный цвет, густой аромат, свежесть. Он поднял взгляд на Юнь Фэй. Он знал, что она мастер меча, но не ожидал, что она так искусна в чайной церемонии.

— Нравится? — Юнь Фэй сделала глоток. Она прожила долгую жизнь и не могла называться всезнающей, но искусство игры на цитре, шахматы, каллиграфия, живопись, поэзия, вино и чай были её базовыми навыками. Иначе как бы она выживала в этих мирах?

— Нравится, — Чу Тяньи, конечно, нравилось.

Он вглядывался в лицо красавицы перед собой. Чай — нравился, но человек — еще больше.

Юнь Фэй поставила чашку на столик, её взгляд оставался таким же надменным.

— Жаль, я не люблю вечно прислуживать другим.

<http://bllate.org/book/21612/2229338>